

К. Д. Бугров, М. А. Киселев
**ГОСУДАРСТВО, ДВОРЯНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ
В РОССИИ XVIII В.**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-14-21

УДК 94(470)“17”

ББК 63.3(2)51

Статья посвящена проблеме изучения социальных мобилизаций на примере формирования в России XVIII в. дворянской сословной корпорации. Авторы делают акцент на целеполагании, отказавшись от устоявшегося представления о государстве и дворянстве как о монолитных акторах, заменив его пониманием акторов как организаций, важнейшим свойством которых является способность мобилизовать ресурсы. На этой методологической основе авторы анализируют процесс формирования в России дворянской корпорации. При Петре I одним из результатов культурных преобразований и интенсивной вестернизации стало возникновение в кругу элиты представления о дворянстве как об общности, обладающей коллективным признаком (честь), пришедшего на смену более старому представлению о дворянстве как о совокупности родов, каждый из которых обладал собственной честью. Однако петровское военизированное правление создало лишь представление о едином дворянстве, но не его организацию — попытка внедрить дворянское самоуправление оказалась неудачной. Создание дворянской корпоративной организации стало итогом творчества властных элит послепетровской России, выработавших на фоне общей социальной стабилизации собственную мобилизационную стратегию, своеобразно интерпретировав сложившееся при Петре представление о едином дворянстве. Таким образом, сословные права и привилегии дворянства оказались не итогом борьбы между дворянством и государством, но результатом той мобилизации, которую предприняла властная элита, сформировавшая специфическое представление о дворянстве и использовавшая организационную мощь государства для того, чтобы воплотить это представление в жизнь.

Ключевые слова: *социальная мобилизация, государство, дворянство, Петр I, вестернизация, модернизация*

Когда речь заходит о социальных мобилизациях, центральное место в их организации обычно отводят государству. Этот подход уходит корнями вглубь интеллектуальной традиции Европы Нового времени. Для России он приобрел особое значение в эпоху «государственной школы»; сформированная ею традиция оказывает колоссальное влияние на широкий спектр мыслителей, подвергающих анализу прошлое страны.

Как правило, в фокусе анализа мобилизационной деятельности государства находятся ее *результаты* — достижения (приобретение

территорий, издание законов, строительство городов и заводов и др.) или неудачи. За скобками же нередко оказывается важнейший вопрос о том, как этот актор — государство — осуществляет целеполагание для своей деятельности, которое, собственно, и задает вектор мобилизаций! Например, С. М. Троицкий, комментируя известное решение об отказе Екатерины II утвердить «Права дворянства российского», выработанные в 1763 г. Комиссией о вольности дворянской, резюмировал: «Это свидетельствовало об огромном могуществе абсолютной монархии, которая, опираясь на дворянскую гвардию, бюрократию, полицию и другие “рычаги власти”, могла отклонить предложения высших сановников и решать “дворянский вопрос” с учетом интересов всего дворянского государства».¹ Умозаключения такого рода по причинам, которые излагаются ниже, нам не представляются убедительными; в настоящей статье предложено альтернативное понимание «дворянского вопроса» в России XVIII в., позволяющее выйти

Бугров Константин Дмитриевич — к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Киселев Михаил Александрович — к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-20 «Институциональные практики в государственном строительстве и социальная интеграция в России XVII — начала XX в.» (рук. В. А. Аракчеев)

¹ Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 191, 192.

на более широкую проблему соотношения государства, элитарного целеполагания и социальных мобилизаций.

I

В отечественной историографии взаимоотношения государства (оно же — «власть») и дворянства нередко мыслятся как отношения двух субъектов-монолитов, с тем или иным успехом воздействующих друг на друга. У каждого из них есть свои интересы, которые они пытались навязать друг другу. Например, государство с помощью идеологии или иных средств старалось заставить дворянство служить лучше и ревностнее;² с другой стороны, дворянство пыталось освободиться от государственного принуждения и получить как можно больше прав и привилегий.³

При всех эвристических возможностях данной исследовательской схемы у нее имеется слабое место — отсутствие объяснения того, кто, собственно, это «государство»? Один из самых популярных ответов на этот вопрос таков: государство — это монарх и его бюрократический аппарат. Так, Н. Ф. Демидова утверждала, что одной из наиболее характерных сторон формирования абсолютистского государства было «создание привилегированного круга лиц, осуществлявших это управление, т. е. слоя чиновничества, подчиненного только верховной власти, целиком зависевшего от нее в своем служебном положении и имущественном обеспечении. Чиновничья каста в известной степени пользовалась привилегиями господствующих классов, однако после своего оформления не входила в их состав, так как не состояла во главе производства. Это придавало бюрократическому аппарату видимость надклассовости».⁴ Правда в силу специфики классового подхода советским историкам приходилось разъяснять, что хотя абсолютистское бюрократическое государство как аппарат принуждения могло обладать самостоятельностью и независимостью от социальных классов, оно все же было выразителем интересов господствующего класса, т. е. дворянства в случае России.

² См., напр.: Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история. 2007. № 4. С. 21–33.

³ См.: Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 42; Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. // Вопр. истории. 2011. № 6. С. 27–42.

⁴ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 206.

В современной российской историографии классовый подход ушел на второй план, а вот надклассовое бюрократическое государство никуда не исчезло. А. Н. Медушевский, рассуждая о созданной при Петре I бюрократии и ее судьбе при его преемниках, утверждает, что она «превращается в сословие», самодовлеющую силу, «заложником» которой оказывается сам абсолютизм.⁵ Складывается картина, где дворянство при взаимодействии с государством встречается лицом к лицу с монархом и его бюрократией и отстаивает свои интересы с помощью реформаторских проектов, «фронды», дворянской литературы и даже дворцовых переворотов.

Однако в этом случае приходится столкнуться с проблемой, на которую указал Дж. Ле Донн. Задаваясь вопросом о том, «существовала ли российская бюрократия в XVIII в.», он отметил «поразительный факт»: термин «бюрократия» используется в исторической литературе «для обозначения различных категорий людей», которые слишком несходны, чтобы быть объединенными вместе. «Некий Румянцев, некий Голицын или некий Вяземский — это бюрократ; фаворит как Меншиков, Потемкин или Зубов — это бюрократ; Иван Иванович Иванов, сын купца или священника — это бюрократ; и даже индивиды, не вовлеченные в канцелярскую работу, называются бюрократами или чиновниками». Ле Донн полагает, что «должна существовать определенная степень социальной однородности в бюрократии». Не обнаружив такой гомогенности у российской «бюрократии» XVIII в., он приходит к выводу, что «термин “бюрократия” слишком специфичен, чтобы быть примененным к социальной неоднородности, которую он должен охватить. Его следовало бы заменить терминами, более близкими феноменам, которые они определяют».⁶

Если начать переводить рассуждения о бюрократии в России имперского периода на язык персоналий, то окажется, что князя Голицыны и Долгорукие являются бюрократами в той же степени, что и подьячие Верхотурского уезда! Например, И. В. Курукин и А. Б. Плотников, говоря о тенденциях развития государственного управления в России первой трети

⁵ См.: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 288.

⁶ Le Donne J. P. The Eighteenth-Century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1993. Vol. 34, № 1/2. P. 139, 140.

XVIII в., полагают, что «бюрократический аппарат самодержавия... начинал постепенно приобретать черты самоуправляющегося механизма, возглавляемого советом, которому абсолютный монарх как основная приводящая в действие сила в перспективе становился уже не нужен. Поэтому достаточно было возникнуть династическому кризису, чтобы люди, обладающие реальной властью и соответствующей политической волей, отменили самодержавие буквально в одну ночь».⁷ Итак, члены Верховного Тайного совета 1730 г., князья Голицыны и Долгорукие — это бюрократы? Почему же именно бюрократы, а не знатнейшие дворяне? Такой вопрос может быть адресован ко всей светской столичной управленческой элите Российской империи едва ли не до начала XX в., ведь она, как показывают подсчеты С. М. Троицкого и П. А. Зайончковского⁸, в XVIII — начале XX вв. состояла прежде всего из представителей потомственного дворянства, обычно обладавших наследственной земельной собственностью. Если использовать бинарную модель, о которой сказано выше, то придется констатировать у этих элит постоянное состояние раздвоения личности — борьбы государственной (бюрократической) и дворянской сущностей.

Такое раздвоение снимается, если отойти от восприятия государства как монолитного субъекта, гомогенизирующего своих представителей в безликую массу бюрократов. Как нам представляется, эта монолитность является результатом дискурсивного конструирования, которое в монархических государствах разворачивается через персонификацию государства в лице монарха, чья воля и оказывается в итоге волей государства. За фасадом же такого дискурса («государства-идеи», по Ф. Абрамсу) находится сложный набор практик и отношений («государство-система», по Ф. Абрамсу), не обладающий единой субъектностью, хотя и структурированный вокруг того, что условно можно определить как правительство.⁹

Удачный подход для изучения «государства-системы» в современной науке предложен Д. Нортгом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом. Они

указывают, что в общественных науках «государство может рассматриваться в качестве единственного актора или как организация». Чаще встречается первый подход, и хотя «сведение идентичности государства к единому актору упрощает объяснение того, как государство взаимодействует с остальным обществом», такой подход все же «упускает влияние внутренней динамики отношений между элитами в господствующей коалиции на взаимодействие государства с остальным обществом». Авторы делают акцент на государство как на организацию, т. е. как на набор «определенных групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения. Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов».¹⁰ Одним из важнейших свойств государства как организации с точки зрения динамики оказывается способность проведения социальных мобилизаций, под которыми следует понимать использование набора социальных ресурсов ради достижения определенной цели в определенные временные сроки.

Применительно к проблеме социальной политики XVIII в. эти «организационные» рассуждения следует учитывать при анализе не только государства-актора, но и его многого антагониста — дворянства. Исследователи понимают дворянство и как простой факт принадлежности к общественному слою, обладающему набором социальных и правовых признаков, и как корпоративную организацию; именно во втором случае его можно анализировать в том же духе, что и государство-организацию. Но если в концептуально-правовом смысле представления о едином дворянстве сложились в начале XVIII в., то дворянская организация возникла лишь в царствование Екатерины II. Смещение же этих двух определений иногда приводит к тому, что коллективные действия дворянства расцениваются помимо какой бы то ни было организации, как будто дворянский статус автоматически подсказывал своим носителям, что нужно делать дальше.

В настоящей работе в противовес как представлениям о монархах-демиургах, творящих именем государства, так и соображениям

⁷ Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 114.

⁸ См.: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974. С. 216; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 129–142, 195–208, 222.

⁹ См.: Abrams Ph. Notes on the Difficulty of Studying the State // Journal of Historical Sociology. 1988. Vol. 1, № 1. P. 82.

¹⁰ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 60–62.

о самотекущей социальной консолидации дворянства, затушевывающим различия между — говоря подзабытым марксистским языком — «классом-в-себе» и «классом-для-себя», мы постараемся наметить альтернативное видение и показать, насколько это возможно в рамках одной статьи, каким образом в среде правящей светской элиты Российской империи XVIII в. формировалось целеполагание, приводившее к конкретным мобилизационным политикам и шагам, в результате которых *дворяне* превратились в *дворянство*, будучи отмобилизованными (с помощью государственной организации) в сословие-корпорацию.

II

Петровское царствование было уникальным. Режим власти Петра I начал формироваться в беспрецедентном для России затяжном конфликте двух правителей и их «партий» (1682–1689), повысившем градус насилия среди элиты, а также на фоне обострения проблемы церковного раскола в правление Софьи, приведшего, по выражению А. М. Панченко, к «религиозной войне».¹¹ Поистине символичным стало появление Преображенского приказа — учреждения, связанного с резиденцией Петра, ответственного как за комплектование и снабжение гвардии, так и за политические процессы, и при этом отсылавшего к политико-богословскому концепту «Преображения». В итоге петровский режим оформился в специфическую военно-харизматическую диктатуру победоносного царя-солдата, уверенного в своей Богоизбранности и при этом располагавшего военизированным инструментом проведения своей воли, по отношению к которому он выступал подлинным демиургом. Армия же была лояльна своему создателю и вождю (в этом смысле властвование Петра I можно сравнивать с режимами власти Наполеона, Кромвеля или, возможно, Фридриха II). К тому же петровская диктатура пребывала в состоянии постоянного чрезвычайного положения — войны — и подпитывалась благодаря этому: поскольку война идет, постольку монарх командует своей армией и увеличивает харизму, при этом имея возможность (и потребность!) мобилизовать ресурсы. На волне этой мобилизации и под эгидой харизмы он получает возможность проводить беспрецедентные реформы, затрагивающие все стороны жизни страны.

Одним из результатов реформ Петра I было постепенное создание единого дворянства, сменившего собой сложную московскую систему боярских и дворянских *родов*. Так, князь Б. И. Куракин в мемуарах зафиксировал эпизод, относящийся к 1703–1704 гг.: «Разбирал Его Величество недорослей знатных самых персон, которых выбрали с пятьсот или с шестьсот человек, и написали в солдаты в Преображенской полк и Семеновской — и служат, в которых объявляю фамилий знатных: князя Голицыны, кн. Черкасские, кн. Хованские, кн. Лобановы, Шереметевы, также иные фамилий знатных, кн. Урусовы».¹² Армия оказалась одним из важных уравнивателей для правящего класса.

Это уравнение дворян не предполагало ликвидации правящего наследственного землевладельческого класса, а скорее подразумевало изменение его внутренней статусной структуры, когда вместо наборов *родов*, каждый из которых обладал своей *честью*, возникла группа, обладавшая единой — *дворянской* — честью. Подчеркнем: применительно к петровскому времени изменения касались прежде всего социально-правового статуса дворянства, а не учреждения его как коллективного субъекта. Ведь в ту эпоху дворянство не приобрело своих органов самоуправления, хотя Петр I и попытался (правда неудачно) внедрить их элементы по остзейскому образцу. Сами дворяне, кажется, не испытывали потребности в корпоративных органах и вполне комфортно чувствовали себя в старой московской системе координат, где в центре находилась *семья* или, шире, *род*, а также различные виды службы государю, которая была одновременно и обязанностью, и привилегией.

Таким образом, первым «дворянским» органом в системе власти оказалась Герольдмейстерская контора. Она вела учет дворянских родов, будучи правительственным органом, одной из ключевых целей которого было замещение должностей в государственном управлении. Эта подвижка, ставшая результатом социальной мобилизации, задавала новые границы для самооценки правящего класса. Впрочем, с социально-экономической стороны переход от совокупности родов к единому дворянству ничего не менял: экономически это был все тот же конгломерат земельных хозяйств, опиравшихся на принудительный труд.

¹¹ Панченко А. М. Начало Петровской реформы: идейная подоплека // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 5.

¹² Архив кн. Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 269.

После Петра I осталось харизматическое наследие, воплощенное в государственном дискурсе, которое продолжали использовать его преемники, что продолжает сбивать исследователей с толку. Наследников Петра I (вплоть до Екатерины II) можно считать слабыми царями: они не стремились к радикальным преобразованиям; несмотря на господствовавшую риторику, прославлявшую преобразования и реформаторов, они осуществляли умеренную политику, не вели войска на поле боя и не писали сами законов. Реальное управление государством-организацией сосредоточивалось в наборе коллективных органов власти, без которых отправление монархом своих функций было, по существу, невозможным. Здесь доминировали потомственные дворяне, в то время как профессиональные управленцы, начинавшие свою карьеру с самых низов управления и, благодаря своим качествам и заслугам, достигшие вершин власти, такие, как А. В. Макаров, А. А. Маслов, А. И. Остерман, Д. В. Волков, были в явном меньшинстве.

В связи с этим следует указать на пункты 11 и 15 петровской Табели о рангах (1722), определявшие порядок аноблирования служивших недворян. Нередко Табель рассматривают как важную веху в истории бюрократизации. Однако благодаря указанным пунктам она скорее тормозила процесс возникновения бюрократии как самостоятельной социальной группы. Подготовка квалифицированных кадров для высших государственных должностей была сосредоточена в помещичьих семьях, так что властная элита по преимуществу воспроизводилась естественным путем — посредством передачи по наследству возможности служить на должностях, предназначенных для дворян. В низу же управленческой иерархии находились многочисленные подьячие. Однако их представители, которые достигали хоть сколько-нибудь значимых должностей, переходили в дворянство, не позволяя подьячеству как социальной группе накопить социальный капитал.

Таким образом, Петр I, как и его преемники в XVIII в., вел себя вполне в духе монархов старого режима, которые, управляя государством, всегда хотели иметь дело только с благородными. Получалось, что благодаря петровским реформам верховная власть в России почти полностью была составлена из дворян (важное исключение — Церковь). Попыток же выстроить бюрократическую вертикаль, не связанную непосредственно с дворянством, в XVIII в.

мы не знаем: первая такая попытка относится к царствованию Александра I, и она была связана уже с началом падения старого режима в Западной Европе.

III

Петровскую вестернизацию часто рассматривают как первую (и наиболее удачную) вестернизацию в ряду таких, как «революция Мейдзи» в Японии или реформы в Турции XIX в.¹³ Хотя такой компаративный подход имеет свои сильные стороны, он все же игнорирует важнейшую черту Европы XVIII в. как континента господствующего старого режима. Конечно, Т. Скочпол в знаменитом компаративном анализе предреволюционных Франции, России и Китая охарактеризовала их как государства старого режима, т. е. как «обширные, преимущественно аграрные экономики», в которых «наиболее важным доминирующим (то есть присваивающим избыток) классом был, в основном, землевладельческий высший класс, хотя этот класс мог быть тесно связан с коммерческим богатством и регулярно обновляться им».¹⁴ Однако в своем анализе Т. Скочпол проигнорировала принципиально важную культурную составляющую: в понятие о старом режиме все же должны входить не только социально-экономические основания, но и соотнесенность с конкретным типом политической культуры, сложившейся при дворах западноевропейских монархов в XVII–XVIII вв. Полагаем, российская вестернизация была едва ли не единственной во всемирной истории, совершившейся по культурным образцам последней, и ее успеху содействовало то, что в социальном отношении Россия того времени, несмотря на значительные различия, имела немалое сходство с крупнейшими монархиями Европы, где политически и экономически господствовала земельная аристократия (в широком смысле слова). Таким образом, вестернизация России XVIII в. была не социальной ломкой, а социокультурным сдвигом, когда той части населения, которая находилась на вершине социальной иерархии, пришлось расстаться с культурными паттернами, сложившимися в предшествующие столетия. Именно этот сдвиг подталкивал дворян

¹³ См.: Fedyukin I. "Westernizations" from Peter I to Meiji: War, Political Competition, and Institutional Change // *Theory and Society*. 2018. Vol. 47, № 2. P. 207–231.

¹⁴ Skocpol T. *State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China* // *Theory and Society*. 1979. Vol. 7, № 1/2. P. 16.

к саморефлексии, основанной на соотнесении с европейскими образцами корпоративных организаций *благородных*. А благодаря петровской политике, высшие государственные должности, заполненные по преимуществу дворянами, предоставляли им возможность посредством политики от имени государства претворить в жизнь представления о едином дворянстве не просто как о совокупности индивидов, а как о коллективном субъекте, способном выражать себя через представительные органы.

Если принять это во внимание, то можно понять, почему Россия переходит от формально-бюрократической системы управления 1-й половины XVIII в. (принципы назначения и вертикальной подчиненности) к сословно-выборной системе местного управления 2-й половины XVIII в. (чиновники — условные бюрократы — на деле избирались собраниями дворянских корпораций). Все проекты, приведшие к реализации этих принципов, не были делом рук оппозиционных группировок, а корпоративные институты и привилегии дворянства не были вырваны у власти силой. Они были выработаны дворянской элитой, заполнявшей ключевые властные должности в послепетровский период, по итогам обсуждений, в том числе открытых, в нарождавшейся публичной сфере, в которой, впрочем, тоже господствовали дворяне — интеллектуалы, опиравшиеся на поддержку сановников.

Это хорошо видно по истории одного из ключевых актов, установивших дворянские права и институты, — Манифеста о вольности 1762 г. Он оказался результатом взаимодействия дворянской элиты в рамках государственных институций.¹⁵ Это же можно сказать и про Учреждения о губерниях 1775 г. и Жалованную грамоту 1785 г. Во 2-й половине XVIII в. дворянская элита во главе с монархом подготовила ряд мобилизационных актов от имени государства, которые в итоге и сотворили дворянство как сословие.

Итак, государство действительно создало — мобилизовало! — дворянство как сословие, даровав ему права и органы самоуправления, сформировав его как «политическое тело». Но это верно лишь в *организационном* смысле. По сути же дворянство творило себя посредством взаимодействия дворян между собой вну-

три государственной организации через государственные же институты.

В связи с этим нет смысла говорить о дворянстве и государстве как о двух отдельных и противоборствующих сущностях. Мощь государства проявилась в том, что его организационная сила позволила узкому кругу людей осуществить те преобразования, которые они считали нужными. Но сами эти люди были ограничены своим социальным багажом, своими взглядами, своим социокультурным статусом; будучи дворянами, они делали проблему дворянства *modus operandi* для своих идей и выводов, на которые надстраивались заимствованные и переосмысленные западные теории и концепты.

Это особенно хорошо видно на примере проблемы крепостного права. Главным доводом в защиту крепостничества с середины XVIII в. стало соображение о том, что хорошие дворяне, ведущие домашнюю «экономию», — главная опора государства, поскольку приказчик или наемный работник не может хозяйствовать так же, как добродетельный помещик. Внутри властной элиты шла дискуссия о том, как лучше организовать дворян-помещиков, чтобы это соответствовало «общему благу». Но именно дворянин-помещик оставался центральной фигурой дискуссии и главным ресурсом в разных стратегиях мобилизации, предлагавшихся имперскими сановниками. Между тем, чтобы предложить сильные аргументы против крепостного права, нужно было перестать ставить дворянина в центр внимания, что потребовало бы болезненного пересмотра многих социальных аспектов существования Российской империи.

IV

Итак, мобилизационные усилия совсем не обязательно предполагали политику «кнута» или петровской «дубинки». Иное дело, что трансформации российской государственной системы в постпетровский период — от военно-харизматической диктатуры Петра I, существовавшей в чрезвычайных условиях, к харизматическому правлению его преемников, основанному на сохранении социальной стабильности, — влияли на способы и результаты мобилизационных усилий государственной организации. Можно представить себе альтернативный сценарий для России XVIII в. (отсутствие Табели о рангах, сохранение военной диктатуры на несколько поколений при

¹⁵ См.: Киселев М. А. Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4. С. 37–52.

монархах-полководцах, доминирование военного лагеря над дворцом, армия как институт, уравнивающий все социальные группы, а гвардия как центр реального управления страной, форсированная подготовка компетентных управляющих из той среды, которую позднее назовут «разночинной»). Военный режим проводил бы тогда мобилизацию на свой лад. За идеологическим обоснованием подобных преобразований не понадобилось бы ходить далеко: политический язык, описывавший общество как совокупность функциональных групп, среди которых «воины» занимают особенно почетное место, был достоянием российской церковной элиты, как минимум, с конца XVII в.¹⁶

Однако демонтаж петровского военизированного режима, создание устойчивой системы, в которой власть сконцентрировалась в государственных учреждениях, подвластных министрам-придворным, бывшим почти

сплошь потомственными дворянами, привели к мобилизационной политике иного рода — к культурной, правовой и политической мобилизации дворянства как единственного социального слоя, способного управлять другими подданными империи, подлинного «камня, служащего основанием государству». Мобилизация эта не может быть описана как простая реализация заведомо ясной цели, вытекающей из факта существования той или иной организации (будь то «государственный интерес» или «дворянские устремления»). Ее следует считать сложным процессом осознания сути проблемы и выработки подходов к ее решению, основанным на проработке интеллектуального и социального опыта конкретных представителей власти и на их взаимодействии между собой, и лишь затем — на применении могущества государственной организации для управления юридическими, экономическими и иными ресурсами.

Konstantin D. Bugrov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Mikhail A. Kiselev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

STATE, NOBILITY AND SOCIAL MOBILIZATION IN 18th CENTURY RUSSIA

The paper deals with the issue of social mobilizations, taking the formation of noble social corporation in 18th century Russia as an example. The authors in their study of mobilizations put an emphasis on goal-setting, and therefore, instead of understanding of state and/or Nobility as monolithic actors, to view such actors as organizations, with the important capacity of mobilizing resources. On this methodologic basis the authors analyze the process of formation of Noble corporation in Russia. One of the important results of Petrine cultural reforms was the emergence of new understanding of Nobility as unity possessing collective marker (honor), replacing older vision of Nobility as multiple of kin possessing their own, unique honor. However, Peter's military rule only created concept of united Nobility, but did not provided it with its own organization — an attempt to install noble self-rule failed. The creation of Nobility organization (that is, estate corporation) was the result of actions of post-Petrine elites which, in the context of overall social stabilization, managed to elaborate specific mobilization strategy, interpreting Petrine concepts of united Nobility in a specific way. Thus, corporate rights and privileges that were abundantly granted to Nobility in the 2nd half of 18th century were not the result of struggle between the State and Nobility, but the result of a mobilization undertaken by power elite, which had distinct vision of Nobility and which used the organization might of the state to implement it.

Keywords: *mobilization, state, society, Nobility, Peter I, westernization, modernization*

¹⁶ См.: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018. С. 153–195.

REFERENCES

- Abrams Ph. Notes on the Difficulty of Studying the State. *Journal of Historical Sociology*, 1988, vol. 1, no. 1, pp. 58–89. (in English).
- Demidova N. F. [Bureaucratization of the state absolutism in the 17th–18th centuries]. *Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.)* [Absolutism in Russia (17th–18th centuries)]. Moscow: Nauka Publ., 1964, pp. 206–242. (in Russ.).
- Faizova I. V. “Manifest o vol’nosti” i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii [“Manifesto of Liberty” and the service of the Nobility in the 18th century]. Moscow: Nauka Publ., 1999, 221 p. (in Russ.).
- Fedyukin I. “Westernizations” from Peter I to Meiji: War, Political Competition, and Institutional Change. *Theory and Society*, 2018, vol. 47, no. 2, pp. 207–231. (in English).
- Granitsy i markery sotsial’noy stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya [Borders and markers of social stratification of Russia 17th–20th centuries: vectors of research]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2018, 722 p. (in Russ.).
- Kiselev M. A. [The 1762 manifesto of the freedom of Nobility: reconstruction of the history of the text]. *Rossiiskaia Istorია* [Russian History], 2014, no. 4, pp. 37–52. (in Russ.).
- Kurukin I. V., Plotnikov A. B. 19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobytiya, lyudi, dokumenty [January 19 – February 25, 1730: events, people, documents]. Moscow: Kvadriga; Ob’yedinonnaya redaktsiya MVD Rossii Publ., 2010, 280 p. (in Russ.).
- Le Donne J. P. The Eighteenth-Century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? *Cahiers du Monde Russe et Soviétique* [Notebooks of the Russian and Soviet World], 1993, vol. 34, no. 1–2, pp. 139–147. (in English).
- Marasinova E. N. [The liberty of Russian Nobility: Peter’s III manifesto and the legislation of Catherine II]. *Rossiiskaia Istorია* [Russian History], 2007, no. 4, pp. 21–33. (in Russ.).
- Medushevsky A. N. *Utverzhdeniye absolyutizma v Rossii. Sravnitel’noye istoricheskoye issledovaniye* [The assertion of absolutism in Russia. Comparative historical research]. Moscow: Text Publ., 1994, 320 p. (in Russ.).
- North D., Wallis D., Weingast B. *Nasiliye i sotsial’nyye poryadki. Kontseptual’nyye ramki dlya interpreta-tsii pis’mennoy istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of humanity]. Moscow: Institut Gaydara Publ., 2011, 480 p. (in Russ.).
- Panchenko A. M. [The beginning of Peter’s reform: the ideological background]. *XVIII vek* [18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, collection 16, pp. 5–16. (in Russ.).
- Polskoy S. V. [Nobility constitutionalism in Russia 18th – early 19th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2011, no. 6, pp. 27–42. (in Russ.).
- Skocpol T. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China. *Theory and Society*, 1979, vol. 7, no. 1/2, pp. 7–95. (in English).
- Troitsky S. M. *Rossiya v XVIII veke. Sbornik statey i publikatsiy* [Russia in the 18th century. Collection of articles and publications]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 256 p. (in Russ.).
- Troitsky S. M. *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII veke (formirovaniye byurokratii)* [Russian absolutism and Nobility in the 18th century (the formation of bureaucracy)]. Moscow: Nauka Publ., 1974, 396 p. (in Russ.).
- Zayonchkovsky P. A. *Pravitel’svennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl’ Publ., 1978, 288 p. (in Russ.).